

считать преувеличением. Если империя осталась в основном греческой по языку и культуре, то это ничего не говорит об ее этническом составе: ведь и на территории Западной Римской империи почти нигде (если не считать окраин) не сохранились ни германские языки, ни германская „культура“ (вопреки утверждению германских шовинистов, что Европа в раннем средневековье стала „германской“). Но основное, что нас интересует здесь, это не этнический вопрос, а вопрос о социальном строе, который установился в империи в результате второго тура революции и заселения ее территории славянами. Не подлежит сомнению, что революция рабов и тесно связанная с нею славянская колонизация совершенно изменили социальный строй Восточной Римской империи. На огромных территориях Балканского полуострова крупное светское землевладение, основанное на труде рабов и колонов, было в значительной части ликвидировано революционным выступлением масс. Да и там, где оно уцелело, землевладельцы вынуждены были отказаться от старых форм эксплуатации трудящихся. На очищенных от рабовладельческого крупного землевладения территориях, зачастую рядом с ним, устанавливалась свободная крестьянская община, лучше всего засвидетельствованная замечательным памятником VIII в. — „Земледельческим законом“. Следовательно, революция рабов в Византийской империи и славянское вторжение тоже привели к широкому распространению свободной крестьянской общины — марки. Если на Западе между античным колоном и средневековым крепостным стоял свободный франкский крестьянин (Энгельс), то на Востоке это место занимал свободный славянский общинник.

Но, как и на Западе, общественный строй, основанный на свободной общине, оказался недолговечным и в самом начале уже носил элементы разложения и образования нового общественного строя — феодального.

Несомненно, следовательно, что в Византии в конце VI — начале VII в. развернулся второй и победоносный тур революции рабов, колонов и угнетенных масс города в союзе с варварами, революции, не менее сильной по своим масштабам, не менее острой по формам борьбы угнетенных масс, не менее значительной по результатам, чем на Западе.

Поэтому на основные поставленные нами выше вопросы, пережила ли Византия революцию рабов и привела ли эта революция к смене рабовладельческого строя феодальным — мы, бесспорно, можем ответить утвердительно.

Решительно отвергая излюбленное буржуазными учеными противопоставление Византии Западной Европе, противопоставление, продиктованное „европоцентризмом“ (т. е. по существу расизмом) буржуазной историографии, и выявляя общие закономерности исторического процесса, мы вместе с тем с не меньшей силой должны подчеркивать и своеобразие, особенности проявления этих закономерностей в конкретном развитии тех или иных народов.

Революция рабов на Востоке имеет свои специфические особенности, коренящиеся в особенностях социально-экономического и политического развития Византии. На первый взгляд кажется, что революция рабов, уничтожившая рабовладельческую Римскую империю на Западе, не имела таких решительных результатов на Востоке. Восточная Римская — „Ромейская“ — империя продолжала существовать еще почти тысячу лет после того, как рухнула Западная. Сильно сократившаяся в объеме, она сохранила, однако, и императорское самодержавие, и многое из прежнего административного строя, и высокую культуру, подвергшуюся такому